

ПРИЧАСТНО СЕРДЦЕ КО ВСЕМУ

На сцене женщина в строгом, ниспадающем почти до пола платье. Вот она останавливается, прислушиваясь к чему-то сокровенному, тайному, и замирает, угадывая под сердцем рождение новой жизни. Сын... Ее кровинка, ее продолжение на этой счастливой земле. Счастливей? Но откуда смутное предчувствие тревоги? Нет, нет, убеждает она себя, пытаюсь не думать о худшем, — с ним ничего не случится.

Он уже подрос, ее мальчик, и они идут вместе: Мать и Сын. Жизнь, не омрачи их ничем, не разлучи, пощади!

Сухой треск пулеметной очереди врывается на сцену, и первой падает мать. Своим телом она пытается защитить сына. Но поздно...

Кто она? Маруся из Воронежа? Мария из Лидице? Мэри из Ковентри? Мариэтта из Орадура? Она мать человеческая, скорбная и безутешная в своем горе. Она едина во всех лицах. Вот она поднимается с колен и зовет к нам, сидящим в зале, ко всему городу, гудящему там, за стенами театра, ко всей огромной земле, еще живой, летящей по своей извечной орбите. Люди, поглядите в глаза этой Матери, может быть, они помогут вам остановить безумство.

Так завершается «Аве, Мария!» — одна из новелл пантомимического спектакля «Причастность» в исполнении артистки балета Москонцерта, лауреата международного конкурса пантомимы в Берлине Аиды Черновой. Сценарий написан самой исполнительницей совместно с Александром Шпиневым. В композицию вошли внешне вроде бы разрозненные номера, не связанные сюжетом напрямую: в них предстает и Древняя Греция, и средневековая Франция, и близкая нам современность. Что же удерживает всю эту сценическую мозаику под одной крышей, почему зрительный зал не замечает дерзкого соседства времен, а если и замечает, соглашается с таким приемом?

Любовь, жизнь, смерть, добро, зло, надежда... С тех пор, как существует человечество, оно никогда не переставало думать об устройстве мира, его нравственности. И самой болевой «точкой» земли было и остается сердце женщины, прародительницы всего живого. Именно эта мысль держит театральную мозаику.

Встречи с прекрасным

Образ женщины, созданный А. Черновой, в спектакле неоднозначен. Драматическая нота, звучащая, помимо «Аве, Мария!», в новеллах «Сон Жанны д'Арк» и «Актриса» (по мотивам песен Эдит Пиаф), — лишь один полюс контрастного и такого непростого мира. Чернова не останавливается на нем. Только драмы ей мало, чтобы сполна выразить себя. Если сегодня наша жизнь еще так несовершенна, она непременно должна быть лучше завтра. Будущее можно выстроить по законам добра и справедливости. Можно. Но само это не случится. Тут надо и осознать, и действовать. И эта вторая нота — щемящая надежда на понимание, решимость вместе со зрителем защитить нравственные ценности мира — делает спектакль не только исповедью, но и кличем.

...Глыбы мрамора, бесформенный кусок камня. Вот его касаются руки Мастера, задумавшего прекрасное творение. На наших глазах рождается шедевр Родена. Но только ли ему одному принадлежит созданное? А может быть, в исканиях скульптора

вложена душа всех нас, не умеющих жить без идеала и гармонии? Конечно, ты, сидящий сейчас в зале, по профессии скорее всего не художник. Но ты человек. А это так много! О том, о главном — «Видения Мастера» (новелла исполняется вместе с артистом Александром Пепеляевым).

Скуп язык пантомимы. Пустое пространство сцены, и артист в тугом трико. Это почти все, что дано зрителю. Остальное — мимика, жест, пластика, ритм. Потому-то любая деталь реквизита становится в спектакле действующим лицом, вырастая порой до размеров символа. Грубая веревка, опутывающая Жанну д'Арк, — это почти живое чудовище в руках А. Черновой. Крохотный светильник горит в ладонях совсем не так, как житейская электролампочка: его мерцающий свет сродни, быть может, только истине, манящей и ускользающей. Огонь беды в «Причастности» не рыж — багров, мрамор незамутнен — слепит своей белизной. Такое это искусство — пантомима. Оно укрупняет человека, ему не нужны полутона — только сильная, сочная краска.

«Каждый должен что-то оставить после себя. Сына, книгу или картину, выстроенный тобой дом или хотя бы возведенную из кирпичика стену, или сшитую тобой пару башмаков, или сад, посаженный твоими руками. Что-то, чего при жизни касались твои пальцы, в чем после смерти найдет прибежище твоя душа. Люди будут смотреть на возвращенное тобой дерево или цветок, и в эту минуту ты будешь жив». Эти слова Рэя Брэдбери звучат со сцены. Звучат рядом с лирико-философскими стихами Б. Пастернака, А. Вознесенского, на фоне музыки композиторов разных стран и народов: Моцарта, Генделя, Альбини, Пендерецкого, Шостаковича, Таусингера. И даже лютневая музыка эпохи Возрождения оказалась здесь пригодной... Когда мысль вызрела, средства выразительности приходят словно сами собой. И тут охотно помогают музы, не скованные молчанием.

Е. ДВОРНИКОВ.

На снимке: фрагмент из спектакля «Причастность». Фото А. Алябьева.

- 1 ЯНВ 1983

ПРАВДА
г. Москва